

И. А. Гончаров.

**Светский человек,
или Руководство к познанию правил общежития,
составленное Д. И. Соколовым. СПб., 1847.**

Оригинал находится [здесь](#).

На свете, кажется, всего мудренее – простота. Странно, а между тем справедливо. Человеку, видно, на роду написано – добираться до простоты, или истины, или естественности не иначе как путем заблуждений, неловкостей, ошибок, мудреных скачков и потом, по достижении простой, истинной стороны дела, только дивиться, что яйцо так легко ставилось на гладком месте. Иногда дело так ясно, что простота его кидается в глаза, а мы, как будто нарочно, заходим с трудной или фальшивой стороны, чтоб задать себе мудреную задачу, и потом ломаем голову над ее решением. Что, например, кажется, проще, как быть между порядочными, образованными, вежливыми и умными людьми? Что легче, как прийти в общество этих людей, сесть свободно на удобной мебели, говорить, играть в карты или танцевать, пить, есть и уехать, оставя по себе приятное впечатление? Так просто, легко, а мы и тут из ума ждем, как жить в людях, или так называемом свете, сделали мудреную науку, которая не всем дается, многим не дается всю жизнь и дается вполне очень немногим.

Нет ничего смешнее вступления в свет новичка, являющегося туда прямо со школьной скамьи или, еще хуже, из деревенской глуши. Его ослепляет и яркий свет комнаты, и нога его зацепляется за ковры или скользит по паркету. Углы у столов мешают ему – они так и тянутся к нему, – один угол точно нарочно вытянулся вдвое длиннее других и просит задеть. И он заденет. А в лесу, где ни следа, ни тропинки, он пройдет ловко, искусно уклоняясь от каждого сучка. Поднос с чашками как будто сам носится у него под локтем, и нет средства не опрокинуть его – и он опрокинет. Он двумя пальцами поднимает пудовую гиру над головой, а тут иногда не сдержит чайной чашки в руках. Его обдаст ужас: там вон на него устремила пристальный взгляд элегантная дама, и у него мурашки побежали по телу... пусть бы уж лучше в него прицелились из ружья; тут подходит к нему изящно одетый лев, а ему лучше – если б настоящий медведь подошел к нему в лесу. Он смотрит на эту даму и на этого льва не как на равных себе людей, а как на существа если не высшего, то особого разряда. Его губит или излишнее самолюбие, или излишняя скромность. Ему хочется показать, что он не уступит никому в светскости, ловкости и любезности: одушевленный этим желанием, он начинает творить бог знает что. Или, напротив, ему покажется, что всё, что он делал до сих пор, его приемы, голос, походка – никуда не годятся, – и нос, и губы – всё не на своем месте. Он вдруг приходит в ужас от собственной своей особы и начинает ее переиначивать, то вдруг соорудит такое лицо, что, как городничий в "Ревизоре" говорит, хоть святых вон понеси, то с испугу положит руки туда, где им вовсе лежать не следует; а когда заговорит, то так несвободно ворочает языком, что как будто над головой его висит дамоклов меч: он теряется, не знает, что делать. За столом, при первом случайном на него взгляде его визави, он вдруг начинает жевать иначе, нежели как жевал 30 или 40 лет до этой минуты; проглотив сразу тоненький ломоть хлеба, он не знает, спросить ли еще или продолжать есть без хлеба, следует ли брать все блюда, или приличие требует отказаться от некоторых; ему нальют чай без сахару –